

заниматься». Однако не только отсутствие бытовых условий беспокоило историка. «Университет открыли. Только действует он вяло. Книг нет. Помещение плохо приспособлено. Если бы книги – было бы очень хорошо... война причина, все объясняющая», – сокрушался Борис Дмитриевич. «Работаю научно очень мало». Собственные книги, высланные из Петрограда 18 сентября, еще не получены, «готовлюсь к лекциям по своим собственным запискам. Просеминарскую работу еще не начинаю. Свою собственную работу тоже»⁵⁴⁶.

Не радует Грекова и внешний вид города: «Улицы пермские похожи на улицы Лесного, на которые я показывал Вам во время гуляния. Мощенные улицы не все. Мощенные очень грязны, только мороз и снег уничтожают эту грязь»⁵⁴⁷. Внешний вид города в описаниях Грекова ничуть не изменился за несколько десятилетий. Одна из учениц В.О. Ключевского, также волею судеб оказавшаяся в Перми в 1890 г., так же отмечала провинциализм города⁵⁴⁸.

Вопрос о сложности научной работы в провинции волновал многих историков. Например, М.М. Богословский в одном из писем размышлял о «неизбежной черте провинциализма», которая состоит в необходимости ученого, работающего вдалеке от центра приближать изучаемый вопрос «к небольшому запасу провинциального архива, тогда как в центральном архиве мы подыскиваем материал к вопросу, поставленному во всю ширину»⁵⁴⁹. Но в то же время историки понимают, что без местных архивных материалов невозможно реконструировать всю полноту исторического прошлого. Выступая на съезде представителей губернских архивных комиссий, С.Ф. Платонов так обозначил эту позицию: «Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни, и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять как должно явления местной социальной или даже государственной жизни»⁵⁵⁰.

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. – время зарождения и интенсификации взаимоотношений между Уральским регионом и столичными университетами, которые вольно или невольно оказывали влияние на его культурный и научный облик. Формирование и укрепление этих взаимоотношений стало весомым результатом культурно-воспитательных, научных и образовательных инициатив центральной науки, начавшихся еще с середины XIX в.

**М.В. Гришкина
Ижевск**

СЕМЬЯ И ОБЩИНА В АДАПТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УДМУРТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Существование человека в аграрно-традиционалистских обществах было всегда опосредовано коллективом: семьей, общиной – «родом, племенем», как постоянно подчеркивали удмурты в своих челобитных к органам власти. Взаимодействие, и позитивное и негативное, с государственными структурами и с миром в целом было опосредовано коллективом.

Коллектив был структурирован в иерархически организованную систему, состоящую из первичной ячейки – семьи, затем шло сообщество семейных коллективов

⁵⁴⁶ Цит. по: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. Том 1. Отечественная история. Москва – Иерусалим, 2000. С. 215 – 216.

⁵⁴⁷ Там же. С. 216.

⁵⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 34. Ед. хр. 84. Л. 1 – 2 об.

⁵⁴⁹ Письма М.М. Богословского И.Ф. Рыбакову / НИОР РГБ. Ф. 714. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 3об.

⁵⁵⁰ Платонов С.Ф. Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. СПб., 1914. С. 44.

селения: деревни, погоста, починка (последний чаще выступал в качестве дочернего придатка к выделившему его селению), деревенская община была встроена и составляла неотъемлемую часть сообщества более высокого уровня: общины – доли на севере и общины – сотни на юге. Сообщества еще более высокого порядка: удмурты всего Каринского стана и всей Арской («Вощкой») дороги выступали на страницах исторических документов крайне редко. Документов же, в которых была бы выражена воля всего удмуртского этноса, не выявлено, очевидно, в силу еще слабой консолидированности общего этнического сознания находилось в изучаемый период в стадии формирования.

Безусловной ценностью для удмуртского мира была семья. При этом производственная и воспроизводственная функции крестьянского хозяйства выступали продолжением одна другой. «Подобно социальному организму крестьянская семья проявляла себя средоточием основных социальных функций: единица производства и потребления, воспроизводства и естественного размещения населения, самоуправления и управления, соединения хозяйственной целесообразности и ритуальных нужд, социализации нового поколения и обеспечения старости», – лаконично и точно характеризует семью известный отечественный крестьяновед А.В.Гордон⁵⁵¹.

В конце XVII – начале XVIII в. в удмуртском обществе существовал не дошедший до нас обычай закрепления за женихом нескольких «свестей» – невест. При этом различались «свести дальние и ближние»: «по их де вотяцкой вере водитца так: женятца на ближних свестях». Тот же обычай был характерен для бесермян: «а у нас, сирот, в бесермянской вере водитца: кои девки-свести за явками бывают, и со стороны тех явочных девок никому в замужество иметь не велено и не водитца»⁵⁵².

Трудно уяснить, откуда произошел этот обычай, и по какому принципу различались «свести ближние и дальние». Судя по документам, эта градация не совпадает с более близкими и дальними брачными ареалами, выделенными для бесермян Е. В. Поповой и Д. Г. Касимовой⁵⁵³. Можно предположить, что иерархия «свестей» выстраивалась в системе воршудно-родовой экзогамии, а обычай их явочного закрепления был продиктован сложившимся у удмуртов острым дефицитом невест, которую зафиксировали демографические источники. Так, ландратская перепись отметила на территории Арской дороги 2493 мужчин и всего 1560 женщин, находившихся в наиболее активном брачном возрасте (то 15 до 30 лет). Мужчины в отмеченном возрасте составляли 34% зафиксированного переписью населения, а женщины – 21,3%.⁵⁵⁴ В этих обстоятельствах было вполне естественным, что родители мальчика стремились заранее вступить в сговор с родителями потенциальной будущей невестки и закрепить за ним гарантию создания семьи. По-видимому, во избежание экстраординарных обстоятельств подобный договор заключался еще с другой или даже с несколькими семьями. Затем уже вступивший в брачный возраст жених писал официальную «явку» на «ближнюю свесть» на имя царя и оформлял ее в Вятской воеводской канцелярии с уплатой соответствующих денег. Такая сложившаяся на основе обычного права и превращенная местной администрацией в доходную статью практика заключения брачных договоров гарантировала возникновение новой семьи.

До второй половины XVIII в. существовало и не считалось предосудительным двоеженство. У южных удмуртов, по сведениям ландратской переписи 1716 г., оно встречалось чаще. Так, по двум сотням Арской дороги, по которым проводилась

⁵⁵¹ Гордон А.В. Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука, 1993. С. 113.

⁵⁵² РГАДА, ф. 131, 1702 г., л. 1, л. 18-20.

⁵⁵³ Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX – XX в.). Ижевск, 2003. С.238-260.

⁵⁵⁴ Гришкина М.В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. (поколенная и половозрастная структура, численный состав) // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX в. Ижевск: НИИ при Совмине Удмуртской АССР, 1983. С. 83.

сплошная обработка данных, в 15 случаях (1,3 %) у главы семьи зафиксированы две жены. В одном случае в деревне Верхний Кен Пронкиной сотни Яммурина две жены отмечены у сына главы семьи⁵⁵⁵. Очевидно, полигиния была пережитком более ранних этапов развития семейно-брачных отношений и результатом влияния мусульманского мира.

Для изучения адаптивных возможностей удмуртской семьи очень важным представляется изучение ее типологии, которая включает сведения о численности, половозрастном и поколенном составе и трудовых возможностях семьи. Обработка массовых демографических источников – материалов ландратской переписи населения 1716 – 1717 гг. и X ревизии 1858 г. дала основание для вывода о том, что в начале XVIII в. у удмуртов преобладающей была малая, преимущественно двухпоколенная семья, чаще из 1 – 5 (65 – 75%) или 6 – 10 чел. (от 23,4 до 32%).

Число и удельный вес неразделенных семей, в которых проживали супруги с женатыми сыновьями и внуками или без них, было невелико: они составляли у южных удмуртов ок. 25,3%, у северных – 26%. Братская неразделенная семья была представлена вариантами, объединяющими 1 – 2 женатых братьев с холостыми или женатыми детьми: у северных удмуртов она составляла 14,2%, у южных – 11,9 – 13,7%. Невелики были и рабочие возможности семьи: абсолютное большинство хозяйств имели 1 – 2 работников – мужчин и столько же женщин. Доля семей с 3 – 4 мужчинами при таком же количестве женщин в возрасте от 15 до 60 лет составляла всего 6%. Перепись зафиксировала достаточно интенсивный процесс распада неразделенных семей на малые индивидуальные. Случаи выделения супругов с детьми или других структурных элементов в отдельный двор-хозяйство составили почти 8%.

В первой половине XIX в. типология семьи претерпевает на первый взгляд парадоксальные изменения. Удельный вес малых семей к 1858 г. упал до 21,9%, сократившись по сравнению с 1716 г. более чем в 1,5 раза, а удельный вес неразделенных братских семей возрос до 45,5%.

Усложнились соответственно и поколенная структура: почти 40% стали составлять трехпоколенные и четырехпоколенные семьи. Наметилось и постепенно нараставшее преобладание многоплодных семей: 13% представляли семьи, состоящие из 16 – 20 и 21 – 25 чел., варианты из 30 и более человек составили 1,3%. Семьи из 6 – 15 чел. стали занимать лишь 5,5%⁵⁵⁶.

Таким образом, в первой половине XIX в. возросла роль усложненных вариантов неразделенной семьи, имеющей трех – и даже четырехпоколенную структуру и довольно многоплодный состав, стало быть, и большие рабочие возможности.

Приведенные данные красноречиво демонстрируют, как удмуртская семья адаптируется в меняющемся мире. На исчерпание резерва свободных земель и возможностей для расширения крестьянского землепользования после завершения к 1834 г. генерального межевания она однозначно отреагировала усилением регенерации неразделенных семей. В условиях, когда крестьяне Удмуртии потеряли 44,5% имевшегося в их распоряжении земельного фонда разделы стали невыгодными, так как вели к резкому сокращению земельного фонда хозяйства.

Ослаблению темпов дробления семьи способствовал и Указ от 30 марта 1823 г., по которому семейные разделы позволялись лишь в тех случаях, когда в каждом дворе было не менее 3 – 4 работников от 15 до 60 лет⁵⁵⁷. Семейные разделы без соблюдения этих условий не признавались за действительные. Усложнилась и процедура раздела: кроме решения общинного схода требовалось заключение палаты государственных имуществ, которое принималось после обследования претендующего на раздел хозяйства. В фондах

⁵⁵⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 1061, л. 328 об.

⁵⁵⁶ Гришкина М.В. Удмуртская семья в XYIII – первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XYIII – XX вв. Ижевск: НИИ при Совмине Удмуртской АССР, 1985. С.5-15.

⁵⁵⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XYIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979. С. 58-59.

низших земских судов сохранилось немало дел, свидетельствующих о том, что крестьяне вынуждены были сохранять единую семью, несмотря на ярко выраженное стремление к разделу и даже девиантное поведение некоторых ее членов⁵⁵⁸.

Главным фактором, к которому приспосабливалась семья, стало расширение товарно-денежных отношений и неизбежное втягивание ее в сеть формирующихся рынков, местных, областных, всероссийского и даже европейского. Многолюдная неразделенная семья располагала большими возможностями для разделения труда в пределах семейной кооперации, для сочетания земледелия с промыслами, могла производить значительно больше сельскохозяйственной продукции и выделять из своего состава работников для отхода. Таким образом, адаптируясь к складывающимся социально-экономическим условиям, удмуртская семья регенерировала некоторые особенности, давшие впоследствии исследователям уверенность в том, что у удмуртов вплоть до начала XX в. сохранялась большая патриархальная семья, являвшаяся осколком первобытно-общинной формации⁵⁵⁹. Однако неразделенная семья генетически уже не была связана с большесемейной общиной, это был новый тип крупной семьи, возникшей в новых социально-экономических условиях на основе разрастания малой, нуклеарной.

Семья, будучи хозяйственной единицей, возглавлялась ее главой. Глава семейного коллектива представлял его интересы в сообществе следующего ранга – в деревенской общине. В силу сложившихся исторических обстоятельств деревенская община у удмуртов на исторической арене появилась достаточно поздно. Как гарант в защите общинной территории и как инстанция, ответственная перед фискальной системой государства, в обозримом на основе документов прошлом выступала община-доля. На юге Удмуртии эти же функции выполняла община-сотня.

Общины-доли были неодинаковы по числу входящих в них селений и по численности населения. По переписи 1678 г. выделялись удмурты каринские (19 селений, 144 двора, 714 душ м.п.), чепецкие (47 селений, 546 дворов, 2713 душ) и верхочепецкие (52 селения, 556 дворов и 2504 души)⁵⁶⁰. По мере возрастания численности населения эти общины дробились: в 1717 г. выделялись 6 долей: в Каринских удмуртских первой и второй долях было 30 селений, 260 дворов и 1064 душ, в Чепецкой нижней доле – 75 селений, 535 дворов и 1748 душ, в Чепецкой верхней доле – 84 селения, 565 дворов и 1850 душ, в Верхочепецкой V доле – 72 селения, 747 дворов и 1485 душ. Проводивший первую ревизию полковник Сонцев-Засекин разделил Верхочепецкую V долю на две: V Пургинскую и V Игринскую доли, в которых соответственно оказалось по 47 и 32 селения и 2575 и 1970 душ мужского пола. В 1762 г. самыми крупными были Чепецкая нижняя (84 селения, 5127 душ), Чепецкая верхняя (103 селения, 5989 душ) и Верхочепецкая V Пургинская (78 селений, 4655 душ) доли⁵⁶¹.

Община-сотня была не менее крупным образованием. Так по сведениям подворной переписи 1710 г. в Ямайковой сотне Досмякесва было 58 селений, в Пронкиной сотне Баймузина – 84 селения, в сотне Тотайки Иванова – 68 селений, в сотне Андрея Байтемирова – 57 селений, в сотне Тохбулата Рысова – 47 селений, в сотне Бегаша Ямеева – 62 селения. В 1716 г. в первой из названных сотен было 3546 чел. обоего пола, во второй – 4679 чел., в третьей – 1722 чел., в четвертой – 1956 чел., в пятой – 2689 чел., в шестой – 3667 чел.⁵⁶²

Многообразие и многоуровневость удмуртских общин стала активно ликвидироваться после 1797 г., в ходе проведения волостной реформы. Волость

⁵⁵⁸ См., например, ф. 126, оп. 1, д. 41, л. 46-50 об. и др.

⁵⁵⁹ Косвен М.О. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы. М.: Центриздат народов СССР, 1931. Вып. II. С. 17-18.

⁵⁶⁰ Документы по истории Удмуртии XV- XVII веков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. С. 330.

⁵⁶¹ Луппов П.Н. Удмуртские «доли» в XVII и XVIII веках // Записки УД НИИ. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. вып. 9. С. 12-13.

⁵⁶² Гришкина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 112.

внедрялась не только в качестве низшей административной единицы, но и крестьянского сообщества более высокого, чем деревенская община, порядка. На волостного голову возлагалось руководство деятельностью сельских старост и выборных, «чтобы каждый из них исправлял на него возложенное и тщательно исполнял свою должность»⁵⁶³.

Адаптирующая функция общины наиболее ярко проявлялась при возникновении конфликтов по поводу владения земельными угодьями, а также при нарушении установившихся отношений между крестьянством и фискальными органами государства.

В 1553 – 1558 гг. общины каринских удмуртов, благодаря обращениям к царю, добились освобождения от крепостной зависимости от бывших арских князей и экстерриториальности. Они не зависели от местных воевод, суд над ними вершили в Москве, наложенный на них оброк «за все, про все» удмурты и бесермяне также привозили в Москву сами. Свою обособленность они отстаивали каждый раз при смене верховной власти. При этом размеры оброка постепенно возрастали. Уже в 1623 г. при новом подтверждении жалованной грамоты оброк возрос до 657 руб., вкупе с деньгами за стрелецкий хлеб, который стал взиматься с них с 1614 г., денежные платежи с волости составили 931 руб. 15 коп. После проведения писцового описания 1629 г. оброк «за все, про все» вырос до 845 руб. 75 коп. Возраставшая тяжесть обложения вызвала протест удмуртов и бесермян. Под давлением многочисленных челобитных удмуртских общин в 1636/37 г. Новгородская четверть пошла на то, чтобы «збавить треть», и оброк был оформлен в сумме 563 руб. 86, 5 коп⁵⁶⁴. Такую же настойчивую борьбу удмуртские общины вели за свою обособленность от русских и татарских общин, которые постоянно стремились разверстать на Каринский стан все виды государственных налогов и повинностей. Вследствие этого, 6 марта 1686 г. последовала грамота, равняющая население Каринской волости с населением других уездов. Удмуртские общины не согласились с нововведением и обратились на имя царя с новой челобитной. В итоге 26 сентября 1686 г. они добились прежнего положения экстерриториальности, правда, ненадолго. Уже в 1699 г. налоги стали взыскиваться с волости не «валовой статьей», а по числу дворов⁵⁶⁵.

Столь же активный протест удмуртских общин вызывали злоупотребления местной власти. Северные удмуртские доли в конце XVII – начале XVIII в. инициировали масштабные государственные сыски по поводу злоупотреблений вятских воевод и каринских татар, выразившихся в захвате земель, в закабалении многих удмуртов, вынужденных отрабатывать чаще всего «намученные» долговые обязательства, в захвате власти в удмуртских общинах.

Начиная с 1689 г., удмурты и бесермяне Каринской доли непрерывно посылали в Новгородский приказ челобитчиков от удмуртских и бесермянской долей, требуя расследования. Общины обеспечивали челобитчиков необходимыми документами, деньгами и гарантийными письмами, дающими возможность занимать деньги на самых кабальных условиях⁵⁶⁶. В 1694 г. грамота царя Алексея Михайловича поручила решение всех вопросов воеводе Ивану Матушкину, что привело к безудержному террору против удмуртов: многие были доставлены в Вятку, подвергнуты там пыткам и посажены в тюрьму. Удмуртские общины собирались с новыми силами для борьбы за свои права на протяжении почти 4 лет. В январе 1698 г. собрались удмурты всех долей и «со всего отцовского совету» направили в Москву своих представителей, они просили прислать для следствия о злоупотреблениях каринских татар и приказных людей и для высылки татар с захваченных удмуртских земель «доброго» человека. Только в ходе драматической борьбы, когда удмуртские челобитчики смогли пробиться на прием к Петру I в его походный шатер в Воронеже, вопрос о сыске и кандидатуре сыщика был разрешен в

⁵⁶³ ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 3. л. 391-395.

⁵⁶⁴ История Удмуртской республики. Конiec XV – начало XX в. Ижевск, 2004. С. 87-88.

⁵⁶⁵ Документы по истории Удмуртии XV-XVII вв. С. 364 – 367.

⁵⁶⁶ Там же. С. 116-124.

благоприятном для удмуртов свете. Однако сыщик Савва Сандырев смог решить только часть вопросов, в итоге сам был оклеветан. Удмуртским и бесермянским общинам пришлось начать новый круг хождения по московским приказам, и в 1700 г. они добились назначения нового сыска, который был поручен стольнику А. Челищеву. Только в январе 1704 г. Челищев завершил свой сыск, закрепив земли удмуртских общин особыми «владенными» выписями³⁶⁷, что стало этапным явлением в истории удмуртских общин.

Таким образом, семья и община обладали большим адаптивным ресурсом, облегчая встраивание удмуртского крестьянства в социально-политическую и социально-экономическую системы Русского государства. Перед фискальными и другими тяготами и административным давлением крестьянин-удмурт оказывался не один, он был окружен оболочкой, которую являла община, а это значительно облегчало психологическое восприятие негативных факторов.

О.А. Задорожная

Сургут

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ КОМПАНИИ И ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВО ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В последней трети XIX в. в Западной Сибири стали распространяться предпринимательские компании, основанные на семейном и партнерском капитале. Наличие единого руководства привело к необходимости выработки тактической линии в политике корпораций по отношению к отдельным социальным слоям, властным структурам и городскому обществу в целом. Фактически эти объединения капиталистов представляли собой довольно инициативные хозяйственные субъекты, находящиеся в постоянном поиске новых возможностей для получения как материальных, так и социальных выгод.

Основу для политики на этапе становления предпринимательских организаций составляли три фактора: «идея, риск и прибыль». Корпоративная активность, как правило, была связана сразу с несколькими видами деятельности: первая заключается в формировании трудового, материального и интеллектуального, вторая – организационного и третья – творческого капитала. При комплексном подходе управленцы вынуждены были заниматься поиском и реализацией новых возможностей, технологий, новаторских идей, перспективных методов развития, способов вложения материальных средств, поддержки общества и т.д. В тоже время предприниматели представляли собой особый общественный слой, т.е. упор делался на социальный аспект деятельности собственников капитала. В соответствии со своей главной целью компании больше ориентировались на материальный мир, но в их интересы входили духовно-культурная и социальная сферы.

Большое значение для предпринимательского слоя Российского государства имела степень его религиозности. Так как в процессе развития корпораций вырабатывалась система духовных ценностей, норм знаний и представлений. В справочной литературе в понятие предпринимательская культура включается не только деятельность людей по производству необходимых продуктов, товаров и услуг, их обмену и расположению, но и - мировоззренческие, этические, психологические и правовые ценности. Соответственно на определенном этапе развития компания представляет собой союз людей помимо обогащения, имеющих определенную систему ценностей, которая влияет на экономическое и политическое развитие общества.

Одной из сторон отношений общества и делового мира является формирование и создание системы благотворительных сословных учреждений со второй половины XIX в. Прослеживается желание провинциальных предпринимателей выйти из-под контроля и

³⁶⁷ Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX – XIX вв. Ижевск. 1994. С. 67 – 90.